

От религиозных копинг-стратегий к теории личности

Владимир Васильевич Винокуров¹, Татьяна Григорьевна Кальницкая²

^{1,2} МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

¹ ierosph@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1239-7071>

² kalnitskaya.tata@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0006-1279-2000>.

Аннотация. Актуальность изучения религиозных копинг-стратегий (как способов совладания со стрессом) обусловлена растущим интересом к роли религиозного фактора в преодолении стрессовых ситуаций, а также востребованностью соответствующих методик (прежде всего RCOPE), априори воспринимающих религию в качестве своеобразного защитного механизма психики. Недостаточная теоретическая разработанность темы (при обилии конкретных исследований религиозных копинг-стратегий) определи-

ла цель нашего исследования — реконструировать комплексную религиоведческую модель этой теории и уточнить её роль в контексте разработки интегративной теории личности. Для достижения этой цели потребовалось решить следующие задачи: 1) проследить генезис понятия «религиозные копинг-стратегии»; 2) выделить и описать наиболее значимые работы, посвящённые данному феномену, проследить взаимосвязи и преемственность в подходах различных исследователей и исследовательских групп; 3) установить ключевые моменты наиболее разработанной на сегодняшний день теории религиозных копинг-стратегий Кеннета Паргамента; 4) систематизировать сложившиеся к настоящему времени научные подходы к феномену религиозных копинг-стратегий, выявляя векторы подходов различных дисциплин (прежде всего, психологии, социологии и философии); 5) выявить установки, определяющие структуру личного опыта в призме уточнения определения религиозных копинг-стратегий. Материалами исследования послужили научные работы, посвящённые копинг-стратегиям и религиозным копинг-стратегиям. Методология исследования опирается на приёмы классификации с последующим аналитическим обзором теоретических концепций и эмпирических исследований, что позволяет проследить эволюцию понимания религиозных копинг-стратегий от первых исследований стресса Г. Селье до современных типологий религиозного совладания. Также использованы метод теоретической реконструкции и метод кейсов. В результате исследования предложена эскизная модель теории религиозного копинга, включающая в себя элементы психологии религии, социологии религии и философии религии, позволяющая подойти к созданию интегративной теории личности с позиций динамизма и конструктивизма. Выводы: 1) генезис понятия «религиозные копинг-стратегии» демонстрирует постепенный переход от сугубо инструмен-

тального к философскому определению; 2) исследователей религиозных копинг-стратегий, представляющих различные психологические школы, объединяет обращение к понятию личности; 3) комплексная теории религиозных копинг-стратегий К. Паргамента выходит на уровень философских обобщений не эссенциалистского, а динамического типа; 4) в теории Паргамента преобладает исследовательская оптика психологии, однако эта теория выходит на уровень философских обобщений и позволяет решать задачи из области социологии; 5) реконструкция актуальной модели теории религиозного копинга должна учитывать конструктивистский характер интерпретации религии как элемента личного опыта взаимодействия человека с миром; а также востребованность теории атрибуции Фрица Хайдера, и установку на поиск ценностных ресурсов в трансцендентном, транслируемую современными юнгианскими школами. Таким образом, уточнение определения религиозных копинг-стратегий предполагает выявление имплицитных моделей личности, на которые опираются конкретные исследования в области религиозного копинга. И наоборот, анализ подходов к концептуализации личности требует учёта практик религиозного копинга.

Ключевые слова: религиозный копинг (совладание), стресс, Ганс Селье, Фриц Хайдер, Кеннет Паргамент, Карл Юнг, теория атрибутивных процессов, теория личности, психология индивидуальных различий

Для цитирования: Винокуров В. В., Кальницкая Т. Г. От религиозных копинг-стратегий к теории личности // Концепт: философия, религия, культура. — 2025. — Т. 9, № 3. — С. 49–65. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-3-35-49-65>

Review article

From Religious Coping Strategies to a Theory of Personality

Vladimir V. Vinokurov¹, Tatyana G. Kalnitskaya²

^{1,2} Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹ ierosph@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1239-7071>

² kalnitskaya.tata@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0006-1279-2000>

Abstract. The relevance of studying religious coping strategies (RCS) is due to the growing scholarly interest in the role of religiosity as a factor in stress management and the demand for coping methods that perceive religiosity as a psychological protective mechanism. Despite a wealth of empirical studies on RCS, the field lacks comprehensive theoretical development. This paper aims to reconstruct the complex religious model within this theory and clarify its role in fostering an integrative theory of personality. To achieve this aim, the following objectives were set: 1) to trace the genesis of the concept of *religious coping strategies*; 2) to highlight and describe the most significant research on this phenomenon, identifying relationships and continuity between various scholarly approaches; 3) to delineate the key tenets of Kenneth Pargament's theory of religious coping, which remains the most developed framework to date; 4) to systematize current multidisciplinary approaches to RCS (primarily from psychology, sociology, and philosophy); 5) to identify the underlying attitudes that structure personal experience to refine the definition of religious coping strategies. The research is based on an analysis of scientific literature on coping and religious coping strategies. The methodology employs classification techniques followed by an analytical review of theoretical concepts and empirical studies, which allows us to trace the evolution of understanding RCS from H. Selye's early stress research to contemporary typologies of RCS. The methods of theoretical reconstruction and case study were also

applied. As a result of the study, a conceptual model for the theory of religious coping is proposed. This model integrates elements from the psychology, sociology, and philosophy of religion, facilitating a dynamic and constructivist approach to developing an integrative theory of personality. In conclusion the genesis of the concept of *religious coping strategies* demonstrates a gradual shift from a purely instrumental to a more philosophical understanding. Researchers from diverse psychological schools are united by their common reference to the concept of personality in studying RCS. K. Pargament's comprehensive theory of religious coping strategies advances to the level of dynamic, rather than essentialist, philosophical generalizations. While the psychological perspective predominates in Pargament's theory, it also reaches philosophical levels of abstraction and offers solutions to sociological problems. Reconstructing the current model of religious coping theory must account for the constructivist interpretation of religion as an element of personal experience in human-world interaction, while also incorporating the enduring relevance of Fritz Heider's attribution theory and the focus on sourcing value resources from the transcendent, as emphasized by modern Jungian schools. Thus, refining the definition of religious coping strategies necessitates the identification of implicit personality models that underpin specific research in this field. Conversely, analyzing approaches to personality conceptualization must incorporate an understanding of religious coping practices.

Keywords: religious coping, stress, Hans Selye, Fritz Heider, Kenneth Pargament, Carl Jung, attributional process theory, personality theory, psychology of individual differences

For citation: Vinokurov, V. V., Kalnitskaya, T. G. (2025) 'From Religious Coping Strategies to a Theory of Personality', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 9(3), pp. 49–65. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-3-35-49-65>

Введение

Теория копинг-стратегий рассматривает способы совладания со стрессом. На сегодняшний день она включает в себя и религиозные копинг-стратегии. Актуальность исследования копинг-стратегий подтверждается тем, что к этой теме в разных контекстах участники XVI Европейского психологического конгресса (ECP 2019, 2–5 July 2019, Lomonosov Moscow State University, Moscow) обращались 524 раза [XVI European Congress..., 2019]. О высоком интересе к копингу в контексте психологии религии свидетельствуют и результаты отслеживания библиометрических показателей исследований, проведённых в сегментах: (1) пересечения религии и копинг-стратегий; (2) значения религиозного фактора в копинг-стратегиях; (3) формирования религиозных копинг-стратегий. Подробное библиометрическое исследование этой темы было осуществлено в журнале «Психическое здоровье, религия и культура» (MHRC). За период 1998–2019 гг. количество статей, опубликованных в этом журнале и посвящённых

формированию религиозных копинг-стратегий и стилям совладающего поведения, где задействован религиозный фактор, превысило 1000 публикаций [Bibliometric analysis..., 2019: 1431]. Разумеется, обилие публикаций само по себе ещё не свидетельствует об эффективности исследований. Однако их наличие сигнализирует о востребованности данной темы как в научном сообществе, так и на практике.

Попытку систематического научного рассмотрения феномена востребованности копинг-стратегий, основанных на молитве, предприняли Бернارد Спилка и Кэвин Л. Лэдд в работе «Психология молитвы. Научный подход» (2012, рус. пер. 2015). Однако итоги их исследования оказались скромными: «в литературе молитве отводят преимущественно позитивную роль, но эти выводы следует рассматривать с осторожностью» [Спилка, Лэдд, 2015: 149]. Действительно, результаты изысканий, приводимые в литературе, оказываются статистически значимыми, но неустойчивыми и концептуально неясными, что указывает на изъяны в том числе теоретические плана. Для

восполнения обнаруженной лакуны представляется перспективным проследить генезис современных дискуссий, посвящённых религиозным копинг-стратегиям. Начать по нашему мнению стоит с исследований темы стресса: мы предполагаем, что это позволит выявить основания вариативности результатов, полученных в ходе установления роли религиозных факторов в копинг-стратегиях, направленных на преодоление стресса и его последствий.

Дискуссии в профессиональной литературе по вопросу о формировании религиозных копинг-стратегий касаются двух проблем. Первая связана со значением религиозного опыта в структуре и динамике преодоления стрессовой ситуации. В своей классической работе «Многообразие религиозного опыта» (1902) Уильям Джеймс (1842–1910) провел пограничную линию между институциональным и личностным аспектами религии. В «личной религии» центр религиозного опыта «составляют внутренние переживания человека»¹. Джеймс сместил центр религиозного опыта не просто в сторону личного жизненного опыта, но и в сторону чувственно-эмоциональной его компоненты. Джеймс требует остановить внимание на «конечном пункте», к которому устремлён религиозный опыт, которого он достигает и откуда он проистекает — на «мистических состояниях сознания»². Религиозный опыт, согласно Джеймсу, в своей глубине покоится на иррациональных и невыразимых мистических основаниях, из которых и берет начало «личная религия» человека. Понимание Джеймсом личности как основы религиозного опыта является непреодолимым препятствием для выработки копинг-стратегий, которые, прежде всего, апеллируют к когнитивным и поведенческим процессам и лишь потом переходят к изменениям в чувственно-эмоциональной сфере³.

В конечном итоге, понятие личности стало игнорироваться в психологических исследованиях при формировании копинг-стратегий, а личностные концепты, если они есть, «должны быть зафиксированы в измерении» [Спилка, Лэдд, 2015: 136], т.е. верифицированы.

Вторая проблема связана со сциентизацией исследований значения религиозного фактора в стратегии преодоления стресса. Исследования в области верификации религиозного фактора затрагивают не только субъективную сторону стресса, но и объективную составляющую в его структуре. В свое время Теодор Флурнуа (1854–1920) сформулировал «принцип исключения трансцендентности» для рамок психологии религии: «Исключение трансцендентности, принцип, так сказать, отрицательный и оборонительный, по которому — собирая и записывая, в качестве психологических данных определения, ценности и ощущения трансцендентной реальности, сопровождавшие религиозный опыт в сознании субъекта — религиозная психология воздерживается от всякого приговора относительно объективной ценности этих явлений и устраняется от всякого спора о возможности существования невидимого мира и об его природе»⁴. Флурнуа, не отрицает, что религиозный опыт — это ресурс, который может изменить не только человека, но и объективную реальность. Он просто говорит, что вопросы объективных оснований религиозного опыта находятся вне компетенции психологии религии. Это значит, что вопрос об изменении объективной составляющей стрессовой ситуации в результате символического действия находится вне рамок компетенции психологии религии. Религия же утверждает, что обе возможности могут быть реализованы. В свою очередь, сама возможность изменения

¹ Джеймс В. Многообразие религиозного опыта. Санкт-Петербург: Андреев и сыновья, 1993. С. 39.

² Там же, с. 303.

³ См: Ромек В. Г. Поведенческая психотерапия: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. Москва: Академия, 2002. С. 96.

⁴ Флурнуа Т. Принципы религиозной психологии. Киев: Издание Киевского религиозно-философского общества, 1913. С. 34.

субъективной и объективной сторон стрессовой ситуации в религиозном копинге означает, что человек, обращаясь к религиозному опыту или пережив его, открывает для себя доступ к альтернативным поведенческим паттернам. Как замечают Спилка и Лэдд, «если для решения проблемы есть видимые и невидимые альтернативы (пути решения), то есть смысл воспользоваться обоими способами» [Спилка, Лэдд, 2015: 234]. У человека может быть сформирован двухуровневый паттерн поведения. Кроме того, вполне возможно, что одна из альтернатив может быть заблокирована обстоятельствами, например, в проблемах, связанных со здоровьем.

Стресс и копинг-стратегии

Первоначальное определение понятия «стресс» описывает его как реакцию человека при воздействии на него природных или социальных обстоятельств. Этимологически слово стресс означает «ударение, сделанное на слоге или слове, которые произносятся громче окружающих слогов или слов, или слова и слоги произносятся медленнее, когда их звучание немного растягивается и длится больше, чем обычно»⁵. Таким образом, в переносном смысле «стресс» означает ситуацию, когда окружающая среда содержит некий фактор воздействия (обстоятельство), которое называется *стрессором*, и на который индивид (организм) реагирует возбуждением или торможением. Охватившее человека возбуждение под воздействием стрессора приводит к изменениям речевого поведения. Стрессор запускает невротическую реакцию организма, которая фиксируется в невербальных компонентах речи, в интонации, темпе, нарушении плавности. Другие обстоятельства, которые уже не содержат стрессор, могут содержать ассоциативно связанные с ним психологические триггеры, возвращающие стрессовое переживание в изменившихся условиях.

В свою очередь, термин «копинг» пришел в психологию и психотерапию из английского языка, но изменил своё значение в контексте биологических и психологических исследований стресса. Базовое значение термина «coping» в специальной литературе стало означать «совладание». Этот термин ввёл канадский патолог, эндокринолог австро-венгерского происхождения Ганс Селье в своей теории стресса, — правда, в отрицательном смысле: «Какое бы требование не предъявляла жизнь, мы начинаем с (1) первоначальной реакции удивления или тревоги из-за неопытности и неумения совладать с ситуацией; (2) её сменяет фаза сопротивления, когда мы научились справляться с задачей умело и без лишних волнений; (3) затем наступает фаза истощения, израсходование запасов энергии, ведущее к утомлению» [Селье, 1979: 68]. Стресс Селье определял как «неспецифический ответ организма на любое предъявленное ему требование» [Селье, 1979: 27]. Именно неспецифичность ответа на воздействие жизненного события Селье считал «сущностью стресса».

Поначалу, в 1960-х и 1970-х гг., исследования воздействия стресса на организм проводились на лабораторных животных. Однако дальнейшее изучение этой проблемы показало, что экстраполяция данных, полученных таким путём, неправомерна. В частности, прямой переход от исследований реакций животных к изучению реакций людей упускал из виду индивидуальную изменчивость физиологических и психологических реакций конкретного человека на стрессоры. В отличие от животных, одних людей стресс приводил к деструктивным последствиям для здоровья, у других он проходил бесследно, у третьих и вовсе приводил к улучшению состояния здоровья. Развитие исследований в этой области заняло всю вторую половину XX в. и привело к парадоксальному выводу: наблюдаемая у людей вариативность реакций и результатов — не аномалия, а норма.

⁵ The Cambridge dictionary of psychology / Ed. by David Matsumoto. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 524.

Эта вариативность нашла отражение в противопоставлении терминов «стресс» и «дистресс», где первый термин обозначал «напряжение», вызванное «давлением» обстоятельств, а второй обозначал негативные последствия пережитого напряжения — негативные эмоциональные переживания (горе), неудовлетворённые социальные и экономические потребности (нужда) и расстройство здоровья (недомогание). Однако оставался важный вопрос, на который обратил внимание Селье: не являются ли эти термины синонимичными [Селье, 1979: 25]? Ответ был неожиданно положительным. Вариативность реакции на стрессор связана не с индивидуальными отличиями между людьми, а с глубиной воздействия стрессора на организм человека, что в свою очередь связано с силой и длительностью воздействия стрессора, а также зависит от уязвимости организма и наличия у человека механизмов и ресурсов защит. Любой стресс вызывает потребность к адаптации, а реакция на него сигнализирует о неблагополучии. Потребность возникает там, где есть недостаток того, в чём нуждаются.

Дифференциация реакций нашла отражение в общей дефиниции стресса как глубины воздействия стрессора. Такой подход нашёл отражение в кембриджском психологическом словаре, где стресс определяется как «длительное состояние психологического и физиологического возбуждения, приводящее к негативным влияниям на настроение, когнитивные способности, защитные функции иммунной системы и физическое здоровье»⁶. Иными словами, стресс у одних людей оказывает негативное влияние на настроение, у других угнетает когнитивные способности, у третьих вызывает проблемы со здоровьем, что связано с точками уязвимости (мишенями) и слабостью защит того или иного функционала организма. Парадокс заключается в том, что обстоятельства,

которые генерируют стресс, и в которых он развивается, не обязательно негативны. Классическим примером является сказка о «золотой рыбке». Всё дело в глубине проникновения стрессора, который воздействовал на когнитивные способности «старухи» и разрушил их.

В последующих исследованиях вариативность реакции на стресс нашла объяснение в дифференциации стрессоров и разработке их классификаций. Классификация стрессоров приводит исследователей к выводу, что в её основание могут быть положены категории: (а) жизненно-важные события; (б) жизненный кризис или травмирующее событие; (в) длительное время жизненные обстоятельства (хронические стрессоры). В наши дни сложилось устойчивое мнение, что «реакция человека на стресс по своей сути сложна, в ней отражаются динамические взаимодействия между стрессорами, уязвимостью и защитными факторами в индивидууме и в социальной среде»⁷.

Динамика процесса реакции на стресс включает структуру стресса и структуру защиты. В структуру стресса входят, помимо уже упомянутого стрессора, индивидуальная наследственная предрасположенность к возникновению физической патологии (personal diatheses) и психическая уязвимость индивида, которые взяты вместе представляют «мишень» атаки стрессора. В структуру защиты входят социальные ресурсы, которые может привлечь индивид для защиты и индивидуальная стратегия адаптации к обстоятельствам (или копинг-стратегия). Суммирующий эффект первых двух факторов (стрессор и уязвимость) определяет риск потери здоровья, а суммирующий эффект двух вторых (ресурс и наличие стратегии адаптации или копинг-стратегии) определяет способность сопротивления стрессу. Общий суммирующий эффект стресса и копинга определит конечный результат

⁶ The Cambridge dictionary of psychology / Ed. by David Matsumoto. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 524.

⁷ Encyclopedia of Applied Psychology. Reference Work. Vol. I. / Editor-in-Chief Charles D. Spielberger. Florida, USA: Elsevier Academic Press, 2004. P. 486.

для здоровья⁸. Если рассуждать о социальных ресурсах в контексте социологии П. Бурдьё, то их, как известно, можно классифицировать как формы капитала культурного, социального и экономического. В контексте психологии копинга сопротивление стрессу начинается с повышения эффективности символического ресурса, т.е. с культурного капитала, который становится частью личности. Невозможность использования символического ресурса, связанная с невозможностью его конвертации в другие формы, создаст стрессовую ситуацию. Психология в копинг-стратегиях действует для адаптации к обстоятельствам, и нацелена она не на изменение эмоциональных состояний, а на действие, на выработку стратегии поведения. Между копинг-стратегией и эмоциональным состоянием может возникать противоречие, поскольку приобретение социального ресурса требует расходования символического или экономического капитала, но в силу мировоззренческих, этических или религиозных установок может сделать процесс невозможным [Cerninara, 2025]. Религиозный копинг, который исходит из мысли, что для Бога нет ничего невозможного предоставляет неограниченный символический ресурс.

В современной психологии копинг-стратегия определяется как «процесс управления в сложных обстоятельствах, который включает разработку стратегий для борьбы как с внутренним, так и с внешним стрессом с целью определения направления в приложении усилий наиболее полезным способом, за счёт отсрочивания выполнения некоторых задач, чтобы получить возможность в первую очередь выполнить наиболее неотложные»⁹.

Составители одной из ключевых русскоязычных коллективных монографий по теме психологического копинга «Совладающее поведение» (2008) во Введе-

нии к монографии конкретизируют эту мысль, отмечая, что совладающее поведение «позволяет субъекту справиться со стрессом или трудной жизненной ситуацией с помощью осознанных действий и направлено на активное взаимодействие с ситуацией — её изменение (когда она поддаётся контролю) или приспособление к ней (в случае, когда ситуация не поддаётся контролю)» [Совладающее поведение..., 2008: 8]. В конкретной ситуации важной становится оценка возможностей и ресурсов контроля стрессора для определения стратегии копинга.

Со своей стороны, американские психологи Ричард Лазарус и Сьюзан Фолкман предложили определять копинг-стратегию на основе когнитивного оценивания стрессора. По мнению Лазаруса и Фолкман, копинг — это «постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие усилия, прилагаемые индивидом для совладания с внешними и/или внутренними вызовами, которые расцениваются им как угнетающие или превосходящие его возможности» [Lazarus, Folkman, 1984: 141].

Помимо этого, Лазарус и его коллеги обнаружили, что оценку события или ситуации — и, следовательно, поведенческую и эмоциональную реакции человека на них — можно менять. Изменение отношения между событиями и эмоциональной реакцией человека на них запускает процесс копинга, в котором изменённая оценка действует как посредник между событиями в окружающей среде и реакцией на них: «Человек может справиться с ситуацией, размышляя о ней, но именно оценка своего вывода (а не само размышление) может изменить последующую эмоцию человека»¹⁰. То есть фактически эта точка зрения возвращает в психологию точку зрения философской классики, согласно которой человек — самостоятельный сознательный субъект, берущий на себя

⁸ Encyclopedia of Applied Psychology. Reference Work. Vol. I. / Editor-in-Chief Charles D. Spielberger. Florida, USA: Elsevier Academic Press, 2004. P. 486.

⁹ The Cambridge dictionary of psychology, 2009, p. 134.

¹⁰ Roetkelein J. E. Elseviers dictionary of psychological theories. Amsterdam: Elsevier, 2006. P. 349.

ответственность за происходящее, но дополняет её соображением о том, что этот субъект нуждается в ресурсах.

Отдельно стоит рассмотреть позицию психологии религии. Эта отрасль религиоведения также обращается к вопросу о копинг-стратегиях. Например, обсуждается, входит ли религия в число копинг-ресурсов и влияет ли религиозность индивида на успешность копинг-стратегии. Положительный ответ на каждый из этих вопросов возможен, если религиозный копинг не просто воспроизводит (или дублирует) нерелигиозный копинг, но предлагает дополнительный ресурс и собственную стратегию. Имеют место и попытки определить рамки самого понятия «религиозный копинг». Американский психиатр Гарольд Кениг, чья исследовательская работа сосредоточена на изучении влияния религии и религиозности на здоровье, определил религиозный копинг как «опору на религиозную веру или деятельность, чтобы помочь справиться с эмоциональным стрессом или физическим дискомфортом» [Koenig, 1991: 71]. В свою очередь, исследовательская группа, возглавляемая Сандро Росадо Кабако, предлагает следующее определение религиозного копинга: «набор духовных ритуалов или практик, основанных на отношениях с Богом, Трансцендентным и другими, используемых индивидами для контроля и преодоления стрессовых, болезненных и связанных со страданием ситуаций» [Spiritual coping..., 2018].

В русскоязычном академическом пространстве религиозному копингу также посвящён ряд теоретических [Шмелев, 2012; Шаньков, 2015; Совладающее поведение..., 2008] и практикоориентированных¹¹ [Мизаев, 2024; Шагарова, Ашрапова, 2013; Дивисенко, 2018] исследований. Эти работы касаются насущных проблем осмысления и «измерения» социологически значимых параметров, — которые, однако, невозможно операционализировать без

чёткого понимания того, что конкретно тот или иной исследователь понимает под религиозным копингом.

Итак, даже краткий обзор процесса формирования понятия «религиозные копинг-стратегии» показывает, что его эволюция шла от первоначальной психологической модели в область социологии, а также в сферу психологии религии и социологии религии. Данное понятие поначалу носило инструментальный характер; затем оно становится «полу-инструментальным» (функциональным); при этом в обоих случаях его теоретическое наполнение оставалось достаточно неопределённым и размытым. Однако в более современных версиях это наполнение приобретает более чёткие границы, а также, как это ни парадоксально, некоторые черты философии религии, в чём можно убедиться на примере рассматриваемой ниже комплексной теории религиозного копинга, предложенной американским психологом Кеннетом Паргаментом.

Теория религиозного копинга и атрибутивных процессов Кеннета Паргамента

Решая вопрос о роли религии в процессе совладания человека со стрессовыми ситуациями и жизненными трудностями, К. Паргамент, как и его предшественники, работает с конкретными кейсами, но не ограничивается инструментальными определениями *ad hoc*, потребовав более детальной проработки понятийного аппарата. При этом его теория также не страдает эссенциализмом, поскольку в её основе лежат многочисленные эмпирические исследования, которые его исследовательская группа начала проводить в Университете Боулинг Грин (США, штат Огайо), ещё в конце 1980 — начале 1990-х гг. Эти исследования проводятся по сей день. Подчеркнём: для 1980-х гг. подходы К. Паргамента были во многом инновационными:

¹¹ Среди последних немало работ, посвящённых применению методики «Религиозный копинг» в научных работах, изучающих проблемы совершенствования пенитенциарной системы.

например, ранее религиозный аспект копинга редко становился предметом систематического научного изучения, особенно — в рамках клинической психологии, которую представляет К. Паргамент.

Первое системное изложение теории религиозного копинга, описание методологии и результаты эмпирических исследований представлены в его работе «Психология религии и копинг: теория, исследования, практика» (1997) [Pargament, 1997]. Предлагаемый Паргаментом и его исследовательской группой инструмент для измерения позитивного и негативного копинга представлен методикой RCOPE («a comprehensive measure of religious/spiritual coping»), которая на сегодняшний день стала стандартом в области исследования стратегий религиозного копинга. Русскоязычная адаптация опросника была принята исследовательским коллективом под руководством Ф. М. Шанькова [Краткий опросник религиозного..., 2022].

К. Паргамент рассматривает религиозный копинг как процесс, посредством которого люди используют свою веру и религиозные практики для понимания и преодоления жизненных стрессовых факторов. Он выделяет два основных типа религиозного копинга: позитивный и негативный [Patterns of positive..., 1998: 710–724]. Позитивный копинг включает в себя духовную поддержку, основными проявлениями которой может быть молитва как искренний и доверительный диалог с Богом, ощущение исходящей от высших сил любви и заботы, поиск духовной поддержки у членов религиозной общины и обретение этой поддержки. Временные трудности человек рассматривает как возможности духовного роста, усматривает глубокий смысл в происходящем, воспринимает испытания как часть божественного замысла и в то же время надеется на сотрудничество с Богом при сохранении личной ответственности за поиск выхода из сложной ситуации. В целом позитивный копинг характеризуется ощущением духовной связи с трансцендентным переживанием близости к Богу, благожелательным религиозным мировоззрением.

Негативный копинг, напротив, характеризуется негативной оценкой божественной силы как карающей; он сопровождается ощущением божественного гнева, что зачастую приводит к сомнениям и разочарованиям в духовных лидерах, а также часто сопровождается конфликтами и чувством отвержения со стороны членов религиозной общины. Проблемы воспринимаются как наказание за грехи, трудности — как проявление Божьего гнева, либо как происки злых сил. Возникают сомнения в силе молитвы, утрата веры в религиозные истины, переоценка убеждений. По Паргаменту, в разных ситуациях один и тот же человек может прибегать к обоим типам копинга, при этом их эффективность зависит от контекста ситуации, личностных особенностей, степени религиозной интеграции человека и поддержки религиозной общины [God help me..., 1990: 793–824].

Эти рассуждения, на наш взгляд, пронизаны взаимной диффузией религиозной психологии и религиозной философии. Недаром в своих последующих работах учёный привлекает «классические» понятия религиозной философии — такие, как «священное» и «религиозный опыт». И хотя он по-прежнему не теряет связь с позицией психологии (именно с этих позиций он подходил к понятиям «Бог» и «вера» в предшествующих работах), Паргамент вынужден учитывать их философскую (но опять же не эссенциалистскую, а динамическую) многомерность.

В работе «Психология религии и копинг» [Pargament, 1997] Паргамент описывает концепцию «священного» (sacred) как ключевого элемента религиозного опыта. Далее в работе «Духовно-интегрированная психотерапия: понимание священного и работа с ним в терапевтическом процессе» (2007) [Pargament, 2007] он развивает это понятие, определяя священное именно как *многомерный конструкт*, включающий не только традиционные религиозные объекты (Бог, божественное), но и то, что приобретает качества священного через ассоциацию с божественным — время, пространство, отношения, роли, события. Он также раскрывает понятие «священных

утрат» (sacred losses) и «осквернения священного» (desecration), которые могут вызывать особенно сильное потрясение. Механизм поиска священного (search for the sacred) анализируется в статье «Священное и поиск смысла: религия как уникальный процесс», в которой Паргамент и его коллеги описывают его как динамический процесс наделения объектов и опыта священным смыслом, помогающий преодолевать сложные ситуации [Pargament, Magyar-Russell, Murray-Swank, 2005].

Далее во вполне философском ключе Паргамент переходит к понятию «смысл», подчёркивая, что копинг схож с религией в том, что это «поиск смысла в момент стресса» [Pargament, 1997: 181]. Паргамент с коллегами описывают пять функций религиозного копинга: 1) поиск смысла травмирующих событий в более широком религиозном контексте; 2) возвращение себе контроля над ситуацией через религиозные практики; 3) обретение психологического комфорта посредством ощущения близости к Богу или высшим силам; 4) обоснование необходимости перемен в жизни, личностной трансформации; 5) стремление к близости с другими верующими и участию в религиозной общине [Pargament, Koenig, Perez, 2000: 521]. Исследователь описывает методы реализации этих функций через копинг-стратегии, которые были операционализированы в Кратком опроснике религиозного совладания RCOPE [Pargament, Koenig, Perez, 2000: 522–524]. Основываясь на анализе предлагаемой Паргаментом шкалы можно выделить, на наш взгляд, следующие типы религиозных действий в религиозном копинге: 1) духовные (к ним относятся молитва, медитация и др.); 2) ритуальные (участие в религиозных церемониях, личные практики и др.); 3) социальные (обращение за поддержкой к религиозной общине и др.); 4) когнитивные (переосмысление ситуации в определённом ключе в зависимости от индивидуального стиля решения проблем) [Pargament, Koenig, Perez, 2000: 519–543].

К стилям решения проблем Паргамент с коллегами обращаются в работе «Религия и процесс решения проблем:

три стиля совладания» [Religion and the Problem-Solving..., 1988: 91], выделяя три типа таких решений: 1) самостоятельный (self-directing) — человек видит себя ответственным за решение проблемы и активно действует, при этом Бог рассматривается как тот, кто дал ему необходимые инструменты и возможности для этого; 2) делегирующий (deferring) — человек ожидает некоего знака от Бога, свидетельствующего о Его замысле относительно человека, источником решения проблемы скорее рассматривается Божья воля и замысел Бога, нежели он сам; 3) совместный (collaborative) — человек возлагает ответственность за решение проблемы и на себя, и на Бога, ощущая Его поддержку и предпринимая активные действия, вдохновлённые ею. Каждый из этих стилей может быть более или менее эффективным в зависимости от ситуации и личности человека [God help me..., 1990: 818–820].

По мнению Паргамента, основную роль в определении стиля решения проблем играют процессы атрибуции. Напомним: теория атрибуции, впервые представленная в работе австрийско-американского психолога Фрица Хайдера «Психология межперсональных взаимоотношений» (1958) [Heider, 1958] Представим, например, что человек, страдающий онкологическим заболеванием, считает это наказанием свыше, а не результатом его курения (внешняя атрибуция), более вероятным становится эмоционально-ориентированный копинг на поиск духовной поддержки. Если же человек, страдающий онкологическим заболеванием, воспринимает его через призму собственной ответственности вследствие курения (внутренняя атрибуция), но считает, что вследствие разумного и доброго устройства Богом мира у него есть возможность излечиться благодаря качественной медицине и врачам «от Бога», он скорее выберет двойной поведенческий паттерн (совместный) стиль совладания (например: «и врач, и молитва»).

Сам К. Паргамент соотносит атрибутивные процессы с тремя перечисленными выше стилями религиозного копинга: при самостоятельном стиле ответственность человек приписывает себе, при

делегирующем — Богу, при совместном — обеим сторонам. Он также полагает, что высокая интеграция верований и практик в повседневность связана с большей эффективностью религиозного копинга и лучшими исходами [Pargament, 2007: 320] (См. подробный анализ точки зрения Паргамента: [Ху, 2016]).

Эффективность, в свою очередь, зависит от согласованности атрибутивных процессов с *личностными особенностями* и ситуативными требованиями. В тех ситуациях, где человек действительно может повлиять на исход событий, более адаптивными оказываются самостоятельный или совместный стили с соответствующими атрибуциями. В ситуациях же, находящихся вне контроля человека (например, неизлечимая болезнь близкого), более адаптивным будет делегирующий стиль с атрибуцией контроля Богу [Religious coping methods..., 2004].

Несмотря на то, что Паргамент не обращается ни к магии, ни к оккультизму как отдельным феноменам, он отмечает: «различие между предельным и обыденным, религиозным и магическим может быть преувеличено. Оно перестаёт работать, когда мы видим, как ответы различных религий на предельные жизненные вопросы трансформируются в повседневные действия» [Pargament, 1997: 29]. Таким образом, перед нами развёртывается динамическое понимание религии в призме конструктивизма, которое вполне может претендовать на уровень уже не инструментального или «полу-инструментального», но философского подхода. Такая позиция открывает возможность расширения теории религиозного копинга, позволяя включить в него как повседневно-магические, так и религиозные практики.

При этом в задачи Паргамента не входит возвеличивание религиозного опыта или обоснование истинности тех или иных религиозных систем (например, апеллируя к их практической либо психологической значимости). Учёный описывает и классифицирует копинг-стратегии не потому, что они продиктованы религиозными взглядами, а потому, что они относятся к общечеловеческим способам взаимодействия

с окружающим миром, людьми и различными жизненными ситуациями; религиозный характер соответствующих конструктов оказывается линией в ряду категоризаций, не являя собой некую эпифанию онтологического. В этом контексте вопрос о статусе того, что принято называть «сокрытым знанием» в рамках религиозных традиций, или, другими словами, эзотерического знания, которое В. Ханеграаф называл «главной жертвой академической специализации после XVIII века» [Ханеграаф, 2016: 21], также теряет свою остроту: при поиске наиболее успешной копинг-стратегии определение принадлежности к определённой религиозной традиции носит второстепенный характер; основной акцент делается на конкретной жизненной ситуации и общечеловеческих способах решения проблемы. Углублённое рассмотрение данного тезиса может стать предметом дальнейшего исследования, однако в рамках проводимой нами реконструкции тезис Паргамента об отсутствии принципиальной разницы между «явным» и «сокрытым» религиозным опытом кажется довольно весомым: как минимум, он предлагает новый ракурс понимания роли религиозного в культуре с позиций нетривиального истолкования религиозных копинг-стратегий в качестве общечеловеческого способа совладания с многоуровневыми жизненными вызовами.

Теорию атрибуций Фрица Хайдера можно рассматривать как важный шаг в разработке независимой теории личности в концепциях стресса и копинга, но реальное продвижение в этой области представляют собой работы Кеннета Паргамента. На наш взгляд, важный сдвиг в сторону выработки такой теории происходит в тот момент, когда он констатирует значимость для человека собственного решения и действия. Здесь важно обратить внимание, что копинг в теории Паргамента рассматривается не как отглагольное существительное, а как отглагольное прилагательное. Как отглагольное существительное оно обозначает «способность совладания», а как прилагательное оно обозначает атрибут — признак процесса «совладания». Как замечает Ю. С. Степанов, прилагательное,

называя признак предмета, явным образом указывает атрибут субстанции, а саму субстанцию указывает только косвенно и смутно. Прилагательное «намекает на существование ещё чего-то — субстанции, имени» [Степанов, 1990: 33]. У Паргамента атрибутивные процессы соотносятся со стилями совладания, которые и выступают в качестве «субстанции» атрибутивных процессов. Отметим, что в концепции религиозного копинга обозначаются контуры не-эссенциалистского, а динамического подхода к описанию личности. Но в общем поле исследований религиозных копинг-стратегий, позиционирующих себя как «факторный анализ, зачастую без поддерживающей теории» [Спилка, Лэдд, 2015: 73–74] есть одно исключение. Это работы Карла Юнга и юнгианских школ. На перспективу интеграции (как в общую теорию и практику копинг-стратегий, так и в теоретические разработки религиозного копинга) теории личности и психологии индивидуальных различий указывают современные аналитические работы, посвящённые религиозным копинг-стратегиям [Спилка, Лэдд, 2015: 74–77; Ху, 2016: 1410]. Теория атрибуций позволяет преодолеть «невыразимость» религиозного опыта, о котором говорил Джеймс, а концепция личности, построенная на типах индивидуальных различий, позволяет ввести в исследования «измеряемые параметры».

Следует обратить внимание, что ни атрибутивные процессы, ни копинг-стили не включают акт выбора индивидом стратегии копинга. Сам акт выбора здесь редуцируется к атрибуции. Если же эту редукцию проблематизировать, включив в процесс совладания сам акт выбора, тогда атрибуцию следует относить не к личности, которая этот выбор делает, а к её структуре, которая этот выбор определяет. В теорию атрибутивных стратегий в этом случае инкорпорируется концепция типологии индивидуальных различий. Для иллюстрации рассмотрим известную

установочную типологию Карла Юнга, в которой он различает экстравертированный (опирающийся на внешние факторы) и интровертированный (опирающийся на внутренние факторы) типы личности¹². Мы полагаем, что, моделируя базовый (т.е. не вводя в рассмотрение функциональные особенности психологических типов) вектор выбора копинг-стратегии, логично предположить, что самостоятельный стиль копинга, с точки зрения юнгианской установочной типологии, определяется интровертированным типом личности, в то время как делегирующий стиль будет характерен для экстравертированного типа личности. При этом и тот, и другой стили копинга могут приобретать религиозную атрибуцию, а могут и нет. В приведённом выше примере экстравертированный тип личности своё лечение может полностью доверить врачам, а интровертированный тип может полностью от них отказаться в пользу самолечения. Совместный стиль копинга предполагает переход от одной установки к другой, что соответствует в юнгианской психологии действию «трансцендентной функции». Последняя, согласно юнгианским психологическим школам, стимулирует духовные поиски в качестве ресурса для преодоления деструктивных процессов и актуализируется *философскими, моральными и религиозными смыслами и ценностями*¹³ [Miller 2004: 186–188; Myers, 2022; Cerminara, 2025]. Наш иллюстративный пример показывает, что установочная и функциональная типология индивидуальных различий, разработанная различными отечественными и зарубежными психологическими школами, может быть интегрирована в теоретический фундамент разработки религиозных копинг-стратегий. Перспективными для оценки эффективности религиозных копинг-стратегий будут исследования, в основе которых лежит теория личности, которая включает форму типологии индивидуальных различий. В то же время

¹² Самуэлс Э. Шортер Б. Плот Ф. Словарь аналитической психологии. Санкт-Петербург: Азбука-Классик. 2009. С. 240.

¹³ Там же, с. 247.

в рамках исследований собственно независимая теория личности в концепциях стресса и копинга пока не разработана. В свою очередь, рассмотренные в фокусе религиоведческого исследования, религиозные копинг-стратегии к настоящему времени представляют собой феномен, находящийся в процессе незавершённой теоретической концептуализации, но в то же время способный претендовать как минимум на статус конструктивного элемента интегральной теории личности философского уровня.

Заключение

Систематизация имеющихся научных материалов, посвящённых религиозным копинг-стратегиям, показывает, что вариативность результатов исследований эффективности этих стратегий связана не с поведенческими или когнитивными факторами, а с интегральными характеристиками личности. Исследования этой темы и сегодня, как во времена Г. Селье, проводятся в основном в рамках психологии (прежде всего клинической), однако имеют выход в область психологии религии, социологии религии и философии религии. При этом эмпирические исследования опираются на более-менее артикулированные теоретические представления о личности.

Разнообразные векторы научного знания, синтезированные в наиболее развитой на сегодняшний день теории религиозного копинга К. Паргамента, позволяют этому автору типологизировать стили религиозного совладания (самостоятельный, делегирующий и совместный) и выявить их связи с процессами атрибуции. В частности, позитивные паттерны религиозного копинга, согласно Паргаменту, проявляются в описании молитвенных практик через то, что он называет партнёрским взаимодействием с Божественным началом, где человек сосредоточивается на идее Бога как поддерживающего, но в то же время не всё определяющего партнёра, а успех эффективности практики в большей степени зависит от самого человека. Очевидно, что в описании этого

конкретного типа религиозного копинга Паргамент не критически реализует «классическую» философскую установку, трактующую человека как свободное разумное существо.

Таким образом, предпринятая нами попытка реконструировать комплексную религиоведческую модель теории религиозного копинга показала незавершённость теоретического оформления практик описания и анализа этого феномена. Теория К. Паргамента оставляет простор для извлечения имплицитных определений личности, чей религиозный опыт может быть структурно описан и проанализирован. Как следствие, нами может быть предложен только эскиз более проработанной теории, включающей в себя не только использование комплексного подхода, но и *рефлексию* над сегментами психологии религии, социологии религии и философии религии, присутствующими в этой теории уже сейчас. По нашему мнению, развитие теории К. Паргамента в данном направлении уже идёт, со временем этот процесс может подвести к созданию теории личности с позиций уже довольно хорошоотрефлексированных динамизма и конструктивизма.

В то же время, обращение к вопросу о религиозном копинге со стороны представителей не-философского сообщества учёных пробивает брешь в эссенциалистских подходах, свойственных отдельным направлениям философии религии, предлагая рассматривать личность в динамическом ключе и в конструктивистской парадигме. В этом солидарны и ранние исследователи религиозного копинга, выделяющие его преимущественно в инструментальном ключе; и разработчики более поздних подходов, претендующих на уровень философски значимой теории.

В рамках структурно-функциональной методологии можно утверждать, что генезис проблемного поля в разработке и инкорпорировании религиозных копинг-стратегий в психологию религии и практику работы со стрессом связан с наличием лакун и пробелов в базовой теории религиозного опыта. В свою очередь концептуализация религиозного опыта и

формирование религиозных копинг-стратегий в психологии религии должны опираться на теорию личности, для чего необходимо интегрировать в каркас теории

религиозного опыта материал установочной и функциональной психологии индивидуальных различий.

Список литературы:

- Дивисенко К. С. Апробация краткой версии методики "Религиозный копинг" (Brief RCOPE) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. — 2018. — № 5. — С. 13–18.
- Краткий опросник религиозного совладания В-RCOPE: русскоязычная адаптация на клинической и популяционной выборках / Ф. М. Шаньков, А. А. Золотарева, Е. В. Гедевани [и др.] // Вопросы психологии. — 2022. — Т. 68, № 5. — С. 143–154.
- Мизаев Р. А. Религиозность как фактор эмоционального благополучия российской молодежи (на примере православных и мусульман) // Minbar. Islamic Studies. — 2024. — Т. 17, № 3. — С. 726–748. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2024-17-3-726-748>
- Селье Г. Стресс без дистресса. — Москва: Прогресс, 1979. — 126 с.
- Совладающее поведение. Современное состояние и перспективы / Н. О. Белорукова, М. П. Билецкая, В. А. Бодров [и др.]. — Москва: Институт психологии РАН, 2008. — 474 с.
- Спилка Б., Лэдд К. Л. Психология молитвы: научный подход. — Харьков: Гуманитарный центр, 2015. — 254 с.
- Степанов Ю. С. Пор-Рояль в европейской культуре // Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля. — Москва: Прогресс, 1990. — С. 5–66.
- Ханеграф В. Западный эзотеризм. Путеводитель для запутавшихся. — Москва: Центр книги Рудомино, 2016. — 253 с.
- Шагарова И. В., Ашрапова Р. Р. Религиозная ориентация как фактор копинг-поведения, оценки ситуации и адаптации к условиям исправительного учреждения у осужденных // Вестник Омского университета. Серия: Психология. — 2013. — № 2. — С. 49–56.
- Шаньков Ф. М. Религиозное и духовное совладание. Обзор западных исследований // Консультативная психология и психотерапия. — 2015. — № 5. — С. 123–152. <https://doi.org/10.17759/cpp.2015230507>
- Шмелев И. М. Образ мира в системе совладающего поведения людей с разной степенью выраженности религиозности // Вестник университета. — 2012. — № 8. — С. 279–282.
- Bibliometric analysis of the journal mental health, religion & culture: disseminating research in the psychology of religion / Ch. A. Lewis, K. M. Loewenthal, S. Dein, K. I. Pargament // XVI European Congress of psychology, Moscow, 02–05 июля 2019 года. — Moscow: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2019. — P. 1431.
- Cerminara B. Dreaming Ubuntu: Jungian Studies, Forgiveness, and Jung's Recalcitrant Fourth // Journal of Analytical Psychology. — 2025. — Vol. 70, No 2. — P. 235–256. <https://doi.org/10.1111/1468-5922.13079>
- God help me: I. Religious coping efforts as predictors of the outcomes to significant negative life events / K. I. Pargament, D. S. Ensing, K. Falgout, et al. // American Journal of Community Psychology. — 1990. — Vol. 18, No 6. — P. 793–824. <https://doi.org/10.1007/BF00938065>
- Heider F. The Psychology of Interpersonal Relation. — New York: Wiley, 1958. — 322 p.
- Koenig H.G. Religion and Prevention of Illness in Later Life // Prevention in Human Services. — 1991. — Vol. 10, No 1. — P. 69–89. https://doi.org/10.1300/J293v10n01_05
- Lazarus R., Folkman S. Stress, appraisal, and coping. — New York: Springer, 1984. — 456 p.
- Miller J. The transcendent function: Jung's model of psychological growth through dialogue with the unconscious. — Albany: State University of New York Press. 2004. — 230 p.
- Myers S. The transcendent function in politics: YES! // Journal of Analytical Psychology. — 2022. — Vol. 67, No 3. — P. 817–837. <https://doi.org/10.1111/1468-5922.12818>
- Pargament K. I. Spiritually-integrated Psychotherapy: Understanding and Addressing the Sacred. — New York: Guildford Press, 2007. — 384 p.

Pargament K. I., Magyar-Russell G. M., Murray-Swank N. A. The Sacred and the Search for Significance: Religion as a Unique Process // *Journal of Social Issues*. — 2005. — Vol. 61, No 4. — Pp.665–687. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2005.00426.x>

Pargament K. *The Psychology of Religion and Coping: Theory, Research, Practice*. — New York: The Guilford Press, 1997. — 548 p.

Pargament K.I., Koenig H.G., Perez L.M. The many methods of religious coping: Development and initial validation of RCOPE // *Journal of Clinical Psychology*. — 2000. — № 5. — P. 519–543. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1097-4679\(200004\)56:4<519::AID-JCLP6>3.0.CO;2-1](https://doi.org/10.1002/(SICI)1097-4679(200004)56:4<519::AID-JCLP6>3.0.CO;2-1)

Patterns of positive and negative religious coping with major life stressors / K. I. Pargament, B. W. Smith, H. G. Koenig, L. Perez // *Journal for the Scientific Study of Religion*. — 1998. — Vol. 37, No 4. — Pp. 710–724. <http://dx.doi.org/10.2307/1388152>

Religion and the Problem-Solving Process: Three Styles of Coping / K. I. Pargament, J. Kennel, W. Hathaway, et al. // *Journal for the Scientific Study of Religion*. — 1988. — Vol. 27, № 1. — Pp.90–104. <https://doi.org/10.2307/1387404>

Religious coping methods as predictors of psychological, physical and spiritual outcomes among medically ill elderly patients: a two-year longitudinal study / K. Pargament, H. Koenig, N. Tarakeshwar, J. Hahn // *Journal of Health Psychology*. — 2004. — Vol. 9, No 6. — Pp. 713–730. <https://doi.org/10.1177/1359105304045366>

Spiritual coping: A focus of new nursing diagnoses / Cabaço S.R., Caldeira S., Vieira M., Rodgers B. // *International Journal of Nursing Knowledge*. — 2018. — Vol. 29, № 3. — Pp. 156–164. <https://doi.org/10.1111/2047-3095.12171>

Xu J. Pargament's Theory of Religious Coping: Implications for Spiritually Sensitive Social Work Practice // *British Journal of Social Work*. — 2016. — Vol. 46, No 5. — P. 1394–1410. <https://doi.org/10.1093/bjsw/bcv080>

XVI European Congress of psychology, Moscow, 02–05 июля 2019 года. — Moscow: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2019. — 2157 p.

References:

Belorukova, N. O. et al. (2008) *Sovladaishchee povedenie. Sovremennoe sostoianie i perspektivy* [Coping behaviour. Contemporary state and perspectives]. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ. (In Russian).

Cabaço, S. R. et al. (2018) 'Spiritual Coping: A Focus of New Nursing Diagnoses', *International Journal of Nursing Knowledge*, 29(3), pp. 156–164. <https://doi.org/10.1111/2047-3095.12171>

Cerminara, B. (2025) 'Dreaming Ubuntu: Jungian Studies, Forgiveness, and Jung's Recalcitrant Fourth', *Journal of Analytical Psychology*, 70(2), pp. 235–256. <https://doi.org/10.1111/1468-5922.13079>

Divisenko, K. S. (2018) 'Aprobatsiia kratkoi versii metodiki Religiozniy koping (Brief RCOPE) [Testing the brief version of the Religious Coping methodology (Brief RCOPE)]', *Teleskop: journal of sociological and marketing research*, (5), pp. 13–18. (In Russian).

Hanegraaff, W. (2013) *Western Esotericism: a Guide for the Perplexed*. New York, London: Bloomsbury. (Russ. ed. (2016) *Zapadnyi ezoterizm. Putevoditel' dlia zaputavshikhsia*. Moscow: Tsentr knigi Rudomino Publ.).

Heider, F. (1958) *The Psychology of Interpersonal Relation*. New York: Wiley.

Koenig, H. G. (1991) 'Religion and Prevention of Illness in Later Life', *Prevention in Human Services*, 10(1), pp. 69–89. https://doi.org/10.1300/J293v10n01_05

Lazarus, R. Folkman, S. (1984) *Stress, appraisal, and coping*. New York: Springer, 1984.

Lewis, Ch.A. et al. (2019) 'Bibliometric analysis of the journal mental health, religion & culture: disseminating research in the psychology of religion', in *XVI European Congress of psychology, Moscow, 2–5 July 2019*. Moscow: MSU Publ., p. 1431.

Miller, J. (2004) *The transcendent function: Jung's model of psychological growth through dialogue with the unconscious*. Albany: State University of New York Press.

Mizaev, R. A. (2024) 'Religiosity as a factor of emotional well-being of the Russian youth (on the example of Orthodox and Muslims)', *Minbar. Islamic Studies*, 17(3), pp. 726–748. (In Russian). <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2024-17-3-726-748>

- Myers, S. (2022) 'The transcendent function in politics: YES!', *Journal of Analytical Psychology*, 67(3), pp. 817–837. <https://doi.org/10.1111/1468-5922.12818>
- Pargament K. (1997) *The Psychology of Religion and Coping: Theory, Research, Practice*. New York: The Guilford Press.
- Pargament, K. I. (2007) *Spiritually-integrated Psychotherapy: Understanding and Addressing the Sacred*. New York: Guildford Press.
- Pargament, K. I., Magyar-Russell, G. M. and Murray-Swank, N. A. (2005) 'The Sacred and the Search for Significance: Religion as a Unique Process', *Journal of Social Issues*, 61(4), pp. 665–687. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.2005.00426.x>
- Pargament, K. I. et al. (1988) 'Religion and the Problem-Solving Process: Three Styles of Coping', *Journal for the Scientific Study of Religion*, 27(1), pp. 90–104. <https://doi.org/10.2307/1387404>
- Pargament, K. I. et al. (1990) 'God help me: (I): Religious coping efforts as predictors of the outcomes to significant negative life events', *American Journal of Community Psychology*, 18(6), pp. 793–824. <https://doi.org/10.1007/BF00938065>
- Pargament, K. I. et al. (1998) 'Patterns of Positive and Negative Religious Coping with Major Life Stressors', *Journal for the Scientific Study of Religion*, 37(4), p. 710. <https://doi.org/10.2307/1388152>
- Pargament, K. I. et al. (2004) 'Religious Coping Methods as Predictors of Psychological, Physical and Spiritual Outcomes among Medically Ill Elderly Patients: A Two-year Longitudinal Study', *Journal of Health Psychology*, 9(6), pp. 713–730. <https://doi.org/10.1177/1359105304045366>
- Pargament, K. I., Koenig, H. G. and Perez, L. M. (2000) 'The many methods of religious coping: Development and initial validation of the RCOPE', *Journal of Clinical Psychology*, 56(4), pp. 519–543. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1097-4679\(200004\)56:4<519::AID-JCLP6>3.0.CO;2-1](https://doi.org/10.1002/(SICI)1097-4679(200004)56:4<519::AID-JCLP6>3.0.CO;2-1)
- Schmelev, I. M. (2008) 'The world image in the coping behavior of people with varying degrees of severity of religiosity', *Vestnik universiteta*, (8), pp. 279–282. (In Russian).
- Selye, H. (1974) *Stress without distress*. Toronto: McClelland and Stewart. (Russ. ed.: (1979) *Stress bez distressa*. Moscow: Progress).
- Shagarova, I. V. and Ashrapova, R. R. (2013) 'Religious orientation as a factor in coping-behaviour, situation assessment and adaptation to the correctional institution a convict', *Herald of Omsk University. Series: Psychology*, (2), pp. 49–56. (In Russian).
- Shankov, F. M. (2015) 'Religious and Spiritual Coping. An Overview of the Western Studies', *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 23(5), pp. 123–152. (In Russian). <https://doi.org/10.17759/cpp.2015230507>
- Shankov, F. M. et al. (2022) 'Adaptation of the brief religious coping scale on clinical and population samples in Russia', *Voprosy psikhologii*, 68(5), pp. 143–154. (In Russian).
- Spilka, B., Ledd, K. L. (2012) *The Psychology of Prayer*. New York, London: Guilford Press. (Russ.ed.: (2015) *Psikhologiya molitvy: nauchnyi podkhod*. Khar'kov: Gumanitarnyi tsentr Publ.).
- Stepanov, Y. S. (1990) 'Por-Royal' v evropejskoj kul'ture [Port-Royal in European culture], in *Grammatika obshchaya i racional'naya Por-Royalya* [The Port-Royal General and Rational Grammar]. Moscow: Progress Publ., pp. 5–66. (In Russian).
- Xu, J. (2016) 'Pargament's Theory of Religious Coping: Implications for Spiritually Sensitive Social Work Practice', *British Journal of Social Work*, 46(5), pp. 1394–1410. <https://doi.org/10.1093/bjsw/bcv080>
- XVI European Congress of psychology, Moscow, 02-05 July, 2019 (2019). Moscow: MSU Publ.

Информация об авторах

Владимир Васильевич Винокуров — доктор философских наук, доцент кафедры философии религии и религиоведения философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, 119234, Москва, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4 (Россия)

CERTIFICATE AWARDS. Организация: SGEM VIENNA 2019, Страна: Австрия, Дата получения: 13 апреля 2019 г. Описание заслуги: Доклад на конференции: Rhetoric of love in St. Augustine's "Confessions" and the "Shimmering concept" of L. Wittgenstein; IstinaResearcherID (IRID): 562291, ResearcherID: AAJ-4157-2020, Scopus Author ID: 57209739889.

Татьяна Григорьевна Кальницкая — аспирант кафедры философии религии и религиоведения философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, 119234, Москва, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4 (Россия)

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Vladimir V. Vinokurov — Doctor of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Moscow State University, 27, Korp. 4, Lomonosovskiy Prospect, Moscow, Russia, 119234 (Russia).

CERTIFICATE AWARDS. SGEM VIENNA 2019: Rhetoric of love in St. Augustine's "Confessions" and the "Shimmering concept" of L. Wittgenstein; IstinaResearcherID (IRID): 562291, ResearcherID: AAJ-4157-2020, Scopus Author ID: 57209739889.

Tatiana G. Kalnitskaya — PhD Student of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Moscow State University, Korp. 4, 27, Lomonosovskiy Prospect, Moscow, Russia, 119234 (Russia).

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 07.07.2025; одобрена после рецензирования 11.08.2025; принята к публикации 02.09.2025.

The article was submitted 07.07.2025; approved after reviewing 11.08.2025; accepted for publication 02.09.2025.